

Картина гибели целого мира заполнила гигантский фонарь наблюдения и отразилась на всех экранах и дисплеях крейсера. Рой-флотилия, подобно стае хищных паразитов, окружила Барбарус I плотным дрожащим облаком. Мерцающие молнии пробивали плотную атмосферу, и, несмотря на весь ужас положения, зрелище можно было назвать почти красивым. Уриэль понимал, что такая картина свидетельствовала о предсмертной агонии мира, уничтожаемого бурями невиданной силы, способными опрокидывать горы и сдвигать целые континенты.

Оболочка планеты словно вскипела, раздираемая бесчисленными ненасытными щупальцами. Пришельцы вгрызались глубоко в почву в поисках любого вещества, которое можно было разложить на органические составляющие.

На Барбарусе I не могло остаться ничего живого. Скоро весь генетический материал планеты будет поглощён тиранидами и использован в качестве пищи и топлива для вечно голодных репродуктивных камер маточных кораблей. Уже в этот момент биологические вещества, недавно бывшие населением планеты, перерабатывались в недрах этих тварей. От подобной мысли к горлу Уриэля подступила тошнота, а в душе загорелась яркая, обжигающая ненависть, испытанная им на полях Ихара VI.

— Услышь меня, Император, — прошептал Уриэль и поклялся отомстить за смерть целой планеты.

Вместе с лордом адмиралом Тибериусом он стоял на капитанском мостике «Горя побеждённого», не в силах ничем помочь погибающему на его глазах миру, но готовый на все, чтобы не допустить смерти подданных Империи от лап Великого Пожирателя.

Тибериус отошёл от обзорной панели и поднялся на капитанский мостик. Он машинально дотронулся до паутины шрамов, пересекающих одну сторону его лица, полученных во время войны с тиранидами на Макрейдже, более двухсот пятидесяти лет назад. Тогда он ещё был палубным офицером этого гордого корабля. После тех событий он успел дослужиться до звания адмирала.

Тибериус коснулся руны в углу пульта, и на экране перед его глазами высветился и обречённый мир, и строй Имперского Флота, призванного уничтожить захватчиков. Борт о борт с «Горем побеждённого» находился корабль Мортифактов «Искушение Смерти», с другой стороны выстроились остальные корабли, прибывшие на войну с тиранидами.

Они не смогли спасти людей Барбаруса I, но их месть достигнет убийц вблизи умирающей планеты.

— Скоро они двинутся к нам, — заметил адмирал.

— Почему вы так думаете? — поинтересовался Уриэль.

— Смотри. — Тибериус показал на один из экранов. Гигантское неуклюжее существо,

оторвалось от процесса насыщения. — Они реагируют на наше присутствие.

Удивительное создание было длиннее самого большого корабля, виденного когда-либо Уриэлем. Его шкуру покрывали наросты и шрамы, полученные при столкновении с астероидами за тысячелетия странствий по бесконечной бездне. На нижней части туловища колыхались отростки, похожие на водоросли, а из больших всасывающих отверстий при движении начинала сочиться густая слизь. Там, где, по предположению Уриэля, находилась задняя часть, располагались длинные конечности, усеянные шипами и когтями. Все существо нелепо подёргивалось и пульсировало. Казалось, эта громадина не способна чувствовать ничего. Капитан подумал, что подобному монстру не место в мире живых существ.

Перед исполином двигался авангард: чудовища, похожие на гигантских рыб с зазубренными крыльями-плавниками, целиком покрытые прочной броней, ощетинившейся клешнями и шевелящимися цепкими щупальцами. Десятки смертоносных спутников курсировали вокруг большого корабля, словно преданные слуги, охраняющие королеву. Уриэлю они напоминали вероломных хищников, которые охотятся стаями и хватают из стада самых слабых животных. Как только жертва падает бездыханной, все члены стаи расходятся и ждут в сторонке, пока вожак не насытится свежим мясом.

— Какова их тактика? Каким образом они атакуют?

— Я не знаю, Уриэль. Скорее всего, сначала они будут испытывать нас, искать слабые места и только потом двинут в бой основные силы. Нам повезло, мы застали их за едой. Так что на первых порах нам не придётся противостоять мощи всего роя-флотилии.

Уриэль посмотрел на множество организмов, приближающихся к «Горю побеждённого». Если уж это воинство всего лишь часть вражеской флотилии, то какова же должна быть мощь всей армии тиранидов!

Лорд-инквизитор Криптман наблюдал за той же сценой с капитанского мостика «Аргуса», флагманского корабля адмирала Бреганта де Кортэ. Он тоже видел, как исполин оторвался от пищи и двинулся им навстречу. Почти всю свою жизнь Криптман боролся с тиранидами и не испытывал к ним никаких чувств, кроме жгучей ненависти. При виде погибающей планеты лорд-инквизитор с удовлетворением отметил, что ненависть в его душе ничуть не ослабла.

Приближающийся маточный корабль был не самым большим из тех, что ему приходилось видеть, но всё же он был огромным — около трёх километров длиной.

— Омерзительные создания, — заметил де Кортэ.

— Да, — согласился Криптман. — Но тем не менее смертельно опасные. Они обладают грозным симбиотическим оружием, могут разбрызгивать концентрированную кислоту, вырабатывать плазменные заряды, а кроме того, из отверстий в этой окаменевшей шкуре могут извергаться бесчисленные орды организмов-воинов.

— Наше оружие освящено благословением Императора, и мы победим, — заверил его де Кортэ.

Криптман кивнул и указал на облако спор, окружающее исполинское создание.

— Взгляните туда, адмирал. Эта завеса из спор настолько плотная, что защищает нашего главного врага от любых посторонних воздействий, кроме разве что самых решительных ударов.

— Лорд-инквизитор, — в голосе адмирала слышалось напряжение, охватившее сейчас всех членов экипажа, — я прошу вашего разрешения начать наступление.

— Да, — кивнул Криптман, не отрывая мрачного взгляда от схемы тактического построения кораблей, мерцающей на одном из экранов. — Начинайте атаку.

Офицеры-координаторы и связисты немедленно обступили широкий навигационный стол с нанесённой сеткой пространственных координат. При помощи длинных плоских указок они передвигали уменьшенные копии кораблей, участвующих в битве.

Адмирал коротко кивнул и, резко развернувшись, промаршировал к командному пульта. Брегант де Кортэ был высоким, жилистым человеком с длинным узким лицом, на котором выделялись тонкие, словно нарисованные, усики. Адмиральская форма свободно болталась на его худом теле, и с первого взгляда никто не признал бы в нём человека, чья безукоризненная стратегия помогла предотвратить вторжение К'Ниба на Сулацис Рим, человека, который уничтожил банды орков на Карадаксе и покончил с пиратами Хааркса по прозвищу Кровавый Топор.

Де Кортэ остановился перед пультом и налил себе бокал амасека. Хрустальный графин с этим напитком традиционно стоял на его рабочем столе. Затем, глубоко вдохнув, адмирал на секунду замер, оглядывая соратников, перед тем как отдать приказ. Важно не поддаваться страху перед ужасающим нашествием пришельцев. Спокойная уверенность командира должна вести за собой всех воинов.

Наконец адмирал осушил бокал.

— Мои наилучшие пожелания всем вам, да пребудет с нами удача в этой славной битве.

Джаэмар, комиссар корабля, кивком одобрил слова де Кортэ.

По традиции, самый молодой из матросов крейсера подошёл к адмиралу. От волнения у него на лбу даже выступил пот.

— Приказ отдан, адмирал?

Лорд адмирал поставил бокал на пульт.

— Приказ отдан. Передайте всем кораблям, что атака началась. Во славу Императора.

Два флота неумолимо приближались друг к другу, хотя дистанция между ними ещё исчислялась десятками тысяч километров. Как только приказ о начале атаки был передан капитанам всех судов Имперского Флота, корабли начали расходиться, согласно заранее выработанной схеме тактического построения. В движении тиранидов невозможно было определить никакой системы, биоактивная флотилия намеревалась встретить противника единой гомогенной массой.

Линейные крейсера Космодесанта вместе со скоростными судами отряда Преторианцев выдвинулись вперёд и заняли позиции перед громадами «Аргуса» и «Меча возмездия».

Три сторожевых судна-перехватчика при поддержке двух лёгких крейсеров класса «Неустршимый» — «Луксор» и «Ерметов» — тоже выдвинулись на острие атаки. Их бесстрашные рейды должны будут стать решающими в предстоящем сражении, и де Кортэ понимал всю опасность их задачи.

На другом фланге в авангарде основного строя приготовились к бою истребители класса «Кобра» — «Гидры» и «Мегеры». Их торпедные отсеки были полны освящённых снарядов, и команде не терпелось дать первый залп по врагам.

Массивная туша корабля-матки в центре флотилии тиранидов содрогнулась, как будто переживала тяжелейшие родовые схватки, и из отверстий в её шкуре протянулись новые потоки миллионов блестящих спор.

Величественные рыбоподобные создания двигались, словно в глубинах океана, их широкие хитиновые крылья-плавники колыхались под воздействием солнечного ветра. Тираниды с острыми клыками и клешнями, охранявшие королеву-матку, тоже собрались впереди и выставили перед собой целый лес когтей: инстинкт повелевал им уничтожить любого, кто угрожал безопасности повелительницы.

Битва при Барбарусе началась.

— Передайте сторожевым «Мечам» выдвинуться вперёд, — приказал адмирал де Кортэ. — Эти бестии во главе тиранидов увеличивают скорость. Я не желаю видеть их на линии огня.

— Есть, сэр, — ответил Джеке Вьерт, старший флаг-лейтенант и передал команду сигнальному офицеру.

Взгляд де Кортэ был прикован к обзорному экрану. Как отреагируют тираниды на их перестроение? До сих пор он не мог определить тактику роя-флотилии, если это понятие

вообще можно было применить к тиранидам. Адмирал позволил себе скупую усмешку. На столе связистов модели сторожевиков передвинулись вперёд.

— Лорд Криптман, что вы можете сказать о тех кораблях, которые сейчас ближе всего к нам?

Тяжело ступая, инквизитор прошёл вдоль капитанского командного пульта и остановился перед выступающим обзорным экраном. Он даже чуть наклонился вперёд, словно пытался рассмотреть все подробности, а затем медленно покачал головой.

— Без сомнения, это нечто вроде управляемых снарядов, но они обладают чрезвычайной упругостью. Я назвал их кракенами. Они полностью подчиняются воле корабля-матки. Не допускайте их сближения с нашими судами, поскольку внутри них находятся отряды самых разнообразных воинов, готовых осуществить захват кораблей.

— Я понял. Мистер Вьерт, передайте капитанам, чтобы ни один из них не подпускал к себе эти создания ближе, чем на пять тысяч километров.

— Пять тысяч километров. Есть, сэр.

Уверенный, что его приказ будет исполнен в точности, адмирал снова обратился к экрану наблюдения. Одно из гигантских существ отделилось от общей массы флотилии тиранидов и стало быстро продвигаться вперёд. Короткие взмахи широких крыльев вызывали беспорядочные возмущения в окружающем пространстве.

— Отряд «Гидр» должен занять блокирующую, позицию на правом фланге. Приказ «Мечу возмездия» следовать за ними. «Луксор» и «Ерметов» будут прикрывать.

— Слушаюсь, сэр, — отозвался Вьерт и передал приказы адмирала. — Сэр, я могу предложить, чтобы Космодесантники присоединились к «Кобрам»? Если эти корабли пришельцев действительно обладают такой прочностью, о какой говорит лорд-инквизитор, то там могут пригодиться тяжёлые орудия.

— Ты прав, Вьерт. Выполняй, а потом запроси подтверждение готовности заряжающих команд и стрелков-артиллеристов.

Адмирал проследил за очередным передвижением кораблей объединённого флота.

— Все оружейные палубы приведены в полную готовность, сэр. Старший артиллерист Мабон докладывает о возможности произвести выстрел из новейшего орудия.

— Понял. Передай, что он может начинать стрельбу по готовности.

Уже было видно, что отряды «Кобр» тоже вскоре выйдут на огневые рубежи, а сторожевые «Мечи» приближаются к существам, которых Криптман назвал кракенами.

Пространство между двумя флотами стремительно уменьшалось, и адмирал был уверен, что гибели первых тиранидов ждать осталось недолго.

Глубоко в недрах «Аргуса» с негромким шорохом распахнулась пятидесятиметровая задвижка, скрывавшая новейшее орудие, и тысячи вспотевших матросов стали устанавливать массивные противовесы, предотвращавшие откат пушки после выстрела. Горячий пар и шум заполнили длинный отсек. Мощные подъёмники доставляли огромные снаряды из расположенного внизу бронированного оружейного погреба.

Оружейный отсек тянулся почти во всю длину корабля, здесь пахло смазкой, потом и кровью. Из старинных громкоговорителей, установленных в забранных латунными решётками нишах под самым потолком, доносились ритмичные церковные гимны, тысячи матросских голосов вторили знакомым песнопениям. Старший артиллерист Мабон стоял на возвышении и наблюдал за процессом подготовки орудия к бою. На выдавшей виды панели управления перед его глазами звякнули колокольчики и зажглось несколько огоньков. Звона колокольчиков старший артиллерист слышать не мог — многолетняя служба в артиллерии Имперского Флота давно лишила его слуха.

Смертоносный снаряд был заряжён, из углубления на панели со скрипом поднялся оптический прибор, и артиллерист прильнул к бронзовой оправе, после чего прочёл короткую благодарственную молитву богам войны. Он без труда установил тонкое перекрестье линзы на красной отметке, обозначавшей цель. Противник двигался прямо на них, и артиллеристу не надо было даже устанавливать поправки на движение мишени. Предстояло сделать очень простой выстрел. Так он мог поразить цель даже в те дни, когда ещё совсем молодым преследовал бандитские шайки на Карпатии.

Уверившись, что снаряд попадёт точно в цель, Мабон поднял голову и осмотрел помещение. Команды канониров уже отошли от блестящих рельсов, тянувшихся по всей длине отсека. Матросы замерли, держа зелёные флажки в руках, давая знать, что оружейная заслонка заперта, снаряд на месте и амортизаторы установлены. Мабон поднял руку и взялся за цепочку, висящую над его головой.

С удовлетворённой усмешкой он резко дёрнул цепочку и крикнул:

— Духи войны и огня, Бог Машины пробуждает вас своей яростью! Летите вперёд и свершите обряд очищения!

Громадные колёса гравиметрических усилителей повернулись, и отсек стал наполняться пронзительным вибрирующим свистом. По мере того, как возрастало давление в казённой части орудия, в воздух стали подниматься тонкие струйки пара. Мабон склонился над пультом управления и вцепился в перила. Это зрелище никогда не надоест опытному артиллеристу. Происходящее являлось для него подтверждением непоколебимой мощи Имперского Флота.

Свист перешёл в оглушительный скрежет, но Мабон его не слышал, хотя и ощущал вибрацию. И вот новейшее орудие выстрелило, по отсеку прокатилась жаркая волна, поднялось давление. Отдача с непреодолимой силой отбросила назад трехсотметровую пушку. Под воздействием силы трения на рельсах выгорала смазка, и в воздух полетели искры. Запахло перегретым металлом и сгоревшим ракетным топливом.

Мабон взревел от восторга, но тут же закашлялся от дыма, достигшего высоты его рубки.

Взросшая вибрация могла бы сбить его с ног, но старый артиллерист давно ко всему привык и без особых усилий сохранил равновесие.

Как только дым рассеялся, бригадиры оружейных команд стали поторапливать матросов. Необходимо было вернуть тяжеловесное орудие на исходную позицию для следующего выстрела. В полу открылась бронированная крышка люка оружейного погреба, свёрнутые кольцами цепи подъёмника скользнули вниз за новым снарядом.

Мабон всегда немилосердно муштровал своих подчинённых, зато теперь он мог собой гордиться: новейшее орудие будет подготовлено к выстрелу уже через тридцать минут. Всё шло как обычно.

Снаряд из орудия «Аргуса» голубой молнией пронзил тёмную бездну, а взрыв в самом центре флотилии тиранидов был подобен вспышке маленького солнца. Его мощность превосходила мощность нескольких плазменных бомб, а благодаря точному выстрелу взрыв произошёл всего в нескольких километрах от одного из рыбоподобных существ. Гигантская туша мгновенно превратилась в кипящее облако огня, в котором сгорело ещё несколько более мелких врагов. После взрыва один из кораблей тиранидов отлетел далеко в сторону, и из его разорванного брюха вылились потоки клейкой жидкости. Агония завершилась сильнейшими судорогами, и корабль неподвижно замер. Взрывная волна разметала рой, но уже в следующее мгновение толпы мелких организмов, каждый из которых был не крупнее шелковичного кокона, ринулись обратно к органическим останкам погибших тиранидов. Их не останавливало даже то, что по мере приближения к эпицентру взрыва большинство созданий лопались от высокой температуры.

Словно разбуженная выстрелом, группа крупных чудовищ рванулась вперёд и вскоре приблизилась почти вплотную к сторожевым кораблям класса «Меч». Сзади к сторожевикам уже подходил «Меч возмездия», отряды «Кобр» и крейсера Ультрамаринов и Мортифактов.

Имперский Флот пролил первую кровь врагов, но битва ещё только начиналась.

Уриэль судорожно сжимал рукоять энергетического меча и прислушивался к скрипам и стонам корпуса «Горя побеждённому», маневрировавшего на линии фронта. Вместе со своей Ротой капитан вынужден был ждать в одном из сумрачных отсеков сражающегося крейсера. Во время военных действий Космодесантники занимали позиции на корабле в тех местах, где можно было ожидать попыток прорваться на борт.

Приёмник шлема капитана Вентриса был настроен на волну капитанского мостика, и Уриэль мог слышать взволнованные переговоры между капитанами всех кораблей. Он прислушался к громким поздравлениям и понял, что флагманский корабль только что единственным выстрелом нанёс противнику серьёзный урон. Такое благоприятное начало вселяло надежду на удачный исход всего сражения, но Уриэля не покидали мрачные предчувствия.

Ожидание непредсказуемого исхода битвы в космосе, когда судьба воинов находится в чужих руках, было ему не по душе. И не важно, насколько опытни и искусны капитаны кораблей. Уриэль с большей радостью выступил бы против тысячи врагов на поле боя, чем сидеть в душном полумраке трюма и ждать, пока смерть протянет свою костлявую руку, чёрную от могильной грязи, или взмахнёт отточенной косой, чтобы забрать его душу. От таких мыслей по его спине пробежала дрожь.

Сидящий рядом Пазаниус заметил состояние друга.

— Капитан?

Уриэль качнул головой:

— Ничего-ничего. Просто у меня возникло странное ощущение *dejavu*.

— Ты пережил одно из своих «видений»? — спросил Пазаниус.

— Нет, не беспокойся, старина. Просто мне не очень-то нравится сидеть здесь и ждать противника, который, может, и не появится. В глубине души я даже немного жалею, что не остался с Леаркусом на Тарсис Ультра.

— Ну, теперь я точно знаю, что ты спятил, — пошутил Пазаниус.

Хотя о соперничестве между Уриэлем и Леаркусом во время обучения на Макрейдже было давно забыто, они так и не стали настоящими друзьями. Там, где Уриэль понимал преимущество личной инициативы, которую поддерживал их наставник, капитан Айдэус, Леаркус топтался на месте, словно не в силах преодолеть невидимый барьер. Они были Ультрамаринами и обязаны были повиноваться приказам, но Уриэль понимал, что случаются моменты, когда не работают даже самые подробные инструкции.

Такие мысли расстраивали Уриэля. От них до опасной дороги, на которую свернули Мортифакты, был всего один короткий шаг. Может, с этого и началось их падение? Незначительные отклонения от заветов Кодекса, которые с течением веков становились всё больше и больше, пока от священного учения примарха ничего не осталось? Астадор утверждает, что его Орден чтит учение примарха. Но разве можно считать его величайшим из всех живущих и в то же время не прислушиваться к его словам?

Неужели обучение у Айдэуса стало первым шагом к краху всего, что дорого Ультрамаринам? Неужели он ошибался в своих наставлениях, и Уриэль ступил на путь, ведущий к неизбежному проклятию? Ему уже пришлось преступить заветы Кодекса. Совсем недавно, на Павонисе.

В приглушённом свете фонарей «Горя побеждённого» Уриэль впервые в своей жизни почувствовал, как в его душе шевельнулись сомнения.

На борту сторожевого корабля класса «Меч» под названием «Мариатус» капитан Пайн наблюдал за приближением био-кораблей тиранидов со смешанным чувством ужаса и отвращения. Его поражали огромные размеры живых существ, парящих в бездне. Хотя капитан и предполагал, что, как и в его собственном мире, их способность соображать будет обратно пропорциональна размерам.

На обзорном экране двигались громадины, сверкающие лезвиями клешней и клыков. Впереди них клубилось облако созданий более мелких.

Капитан скрестил руки на груди и кивком подозвал старшего офицера-артиллериста.

— Мы подошли достаточно близко для стрельбы?

— Почти подошли, сэр. Ведущий корабль окажется в зоне обстрела через минуту.

— Очень хорошо. Передай приказ всем кораблям отряда открывать огонь, как только враг окажется на расстоянии выстрела.

Пайн прошёл к пульту управления и уселся на возвышении в самом центре капитанского мостика. Отсюда ему было удобно наблюдать за движением двух других судов отряда, «Ван Бекен» и «Эндевор». К удовольствию капитана, оба корабля сохраняли положенную дистанцию и предоставляли командиру звена сделать первый выстрел.

Корабль медленно развернулся к врагу, и Пайну почудилось, будто неживые, лишённые всякого выражения глаза чудовищ заглянули прямо в его душу. От такой мысли по спине пробежал холодок недоброго предчувствия. Капитан счёл свои фантазии смехотворными, ведь эти создания давно должны были ослепнуть от космической пыли. Но неприятное ощущение не проходило, и, чтобы унять охватившую его дрожь, Пайн стукнул кулаками по краю стола.

— Все орудия открыли огонь, — спокойно доложил офицер в тот самый момент, когда судно вздрогнуло от мощной отдачи выстрела крупнокалиберного орудия.

Старый настил из тикового дерева задрожал под ногами капитана. Пайн и без доклада знал, что сотни тяжёлых снарядов и лучи лазерных пушек несутся сейчас через бездну, чтобы посеять смерть среди этих отвратительных созданий.

Пайн наблюдал, как шквал разрывов постепенно, по мере корректировки прицелов, приближается к центру группы био-кораблей. Кое-кому из артиллеристов даже удалось прямыми попаданиями оторвать несколько конечностей гигантского монстра. Из ран хлынули потоки тёмной жидкости. Наконец сверкнули последние залпы, огонь взрывов полностью скрыл флотилию врагов. Как только улучшилась видимость, капитан увидел, что один из био-кораблей разорван в клочья, а второй без признаков жизни дрейфует в пространстве. Пайн спрыгнул со своего стула и радостно потряс кулаком.

— Будь я проклят, если это не отличная стрельба. Мои поздравления всем артиллеристам.

— Слушаюсь, сэр, — гордо ответил старший стрелок.

Пайн снова взглянул на обзорный экран. Оставшиеся био-корабли сотрясались, будто в приступе лихорадки.

— Ради Императора, что они делают? — удивился капитан.

Он ещё как следует не рассмотрел, что происходит, когда мощные струи студенистой жидкости начали вырываться из передней части вражеских кораблей.

— Всем судам, немедленно на правый борт! — крикнул Пайн, внезапно осознавая надвигающуюся угрозу.

Двигатели стали набирать обороты, и капитанский мостик резко наклонился, но военный корабль не мог реагировать так же быстро, как его капитан. Струи жидкости с ужасающей скоростью неслись к «Мечам» сквозь тёмное пространство. Пайн вцепился в подлокотники кресла, а корабль, с трудом преодолевая инерцию массы, постепенно отворачивался от летящих к нему снарядов.

Наконец струи исчезли за пределами обзорного экрана, но Пайн понимал, что предпринятого манёвра недостаточно. «Мариатус» избежит непоправимой беды, но его собратья-корабли вряд ли успеют отойти в сторону.

Три заряда концентрированной кислоты ударили в нижнюю часть «Эндевора» под самым моторным отсеком. Механики в панике заглушили двигатели и освободили камеры сгорания, но кислота разъедала броню хранилища плазмы, на которой работал корабль. Такая быстрая реакция, без сомнения, спасла судно, и, к их кратковременному облегчению, предпринятых мер оказалось достаточно, чтобы предотвратить попадание разъедающей жидкости в топливные баки. В этой борьбе свои жизни отдали четыреста тридцать семь человек, но кораблю «Ван Бекен» повезло ещё меньше.

Струи кислоты тиранидов со всей силой ударили в борт «Ван Бекена». Мощность удара была такова, что кислота сразу пробилла несколько слоёв брони и разъела оставшийся металл. Смертоносная биологически активная жидкость растеклась по отсекам средней палубы

корабля.

Сотни людей погибли в момент удара. Их расплющило о стены или выбросило в бездну вместе с остатками повреждённой брони после разгерметизации судна. Обжигающее вещество в мгновение ока растворяло человеческую плоть и самый закалённый металл, а образовавшиеся пары были не менее губительны, чем самое страшное химическое оружие, когда-либо разработанное экспертами-химиками. Автоматические двери тотчас захлопнулись, но жидкость тиранидов растопила металл дверей и переборок. Вскоре ручейки кислоты протекли на нижнюю палубу и добрались до остальной команды.

Повреждённый во многих местах корпус «Ван Бекена» не выдержал вибрации, протестующе скрипнул, и обречённый корабль развалился надвое.

Торпеды, выпущенные звеном «Гидр», унеслись в темноту по направлению к ближайшему рыбоподобному чудовищу. Облако спор замерло перед био-кораблём, и как только снаряды преодолели пространство, мелкие существа ринулись вперёд, наперерез торпедам. Реактивные заряды начали взрываться от ударов о плотную массу спор или в результате взаимодействия с выпущенной ими кислотой.

Плотная завеса всё же не смогла остановить все торпеды, но до исполинского существа долетела лишь малая часть снарядов. Трёхступенчатые торпеды взрывались постепенно: первый заряд вырывал куски плоти с поверхности туши, хвостовой загонял торпеду вглубь, и там, внутри чудовища, уже срабатывал самый мощный запас взрывчатых веществ.

Сотрясаемый взрывами, живот ужасного создания раздулся, монстр накренился, а из многочисленных ран во все стороны хлестал иxor. Но, как бы ни были опасны повреждения, а они, без сомнения, грозили неминуемой гибелью, гигантское существо успело нанести ответный удар. От головы до хвоста по туловищу прокатился судорожный спазм, и с боков навстречу кораблям вылетели залпы зазубренных шипов. Тысячи колючек, как огромные копья, понеслись к кораблям. При других обстоятельствах суда были бы слишком большой и прочной целью для шипов, но, учитывая огромную скорость и плотность потока хитиновых снарядов, ситуация складывалась очень опасная.

Две «Кобры» взорвались сразу, как только стометровые копья с пугающей лёгкостью пробили армопласт и керамит бронированного корпуса. На ведущем корабле от первого же удара пострадал капитанский мостик — десяток копий пробил рубку от носа до кормы. Второй залп пришёлся ниже, в моторный отсек, где от повреждений мгновенно в нескольких местах возникли пожары.

Последний из кораблей звена, шедший чуть позади остальных, а потому прикрытый корпусами своих собратьев, всё же получил несколько скользящих ударов, которые привели к самым плачевным последствиям. В оружейных отсеках взорвались торпеды. Команда судна приняла все меры для предотвращения катастрофы, но капитан вынужден был вывести корабль из боя. Вооружение «Кобры» непоправимо пострадало, и ему ничего не оставалось, кроме как немедленно возвращаться на базу.

Артиллерийский огонь орудий Имперского Флота достиг предельного накала, и в свете рвущихся снарядов показался главный корабль флотилии тиранидов — корабль-матка. Сотни пришельцев ежесекундно сгорали в пламени разрывов, но непрерывно работающие репродуктивные камеры постоянно выбрасывали им на замену всё новые и новые потоки спор.

Лёгкие крейсера «Луксор» и «Ерметов» нацелили свои орудия прямо на маточный корабль и двинулись вперёд, мимо накренившихся корпусов «Эндевора» и «Ван Бекена». Группа небольших био-кораблей мгновенно отреагировала на их приближение: они согласованно развернулись, чтобы преградить крейсерам путь.

Три био-корабля тотчас же взорвались, попав в луч энергетического орудия, а четвёртый был разрезан этим же лучом надвое. Залп торпед, выпущенный «Кобрами», прорвался через облако спор и донёс заряды до окаменевшей шкуры корабля-матки.

Из рваных ран выплеснулись струи ихора, но как только угасло пламя разрывов, шкура на боку чудовища стала зарастать новой плотью.

Внезапно в брюхе маточного корабля раскрылась мясистая складка, и оттуда появилось множество новых существ с мощными плавниками, на которых ещё блестели остатки околоплодной жидкости. Часть этих созданий попала под залп «Меча возмездия» и была мгновенно уничтожена, в то время как «Аргус» изменил курс и развернулся к маточному кораблю бортовыми орудиями; Но ни одно из новых уцелевших созданий не заинтересовалось ни линкором, ни крейсером. Они устремились к сопровождавшим их крейсерам Космодесантников.

Адмирал де Корте дождался, пока туша корабля-матки исчезнет с обзорного экрана, и стал отсчитывать минуты, пока она не попадёт под прицел орудий левого борта. До сих пор сражение шло почти так, как он и планировал. Несмотря на предостережения Крипмана, адмирал был изумлён живучестью этих пришельцев. Флот Империи уже понёс первые потери, но точная информация о них ещё не поступила.

— Лейтенант Вьерт, доложите данные о состоянии кораблей, — нетерпеливо потребовал де Корте.

— Все корабли класса «Меч» вынуждены покинуть поле боя, лорд адмирал, а «Ван Бекен» уничтожен полностью. Двигатели «Эндевора» пришлось заглушить, хотя техники из его команды прилагают все усилия, чтобы их перезапустить. Отряд «Гидр» лишился двух кораблей, и, судя по первоначальным донесениям, ни один из них не сможет участвовать в боях без продолжительного ремонта в доках.

Выслушав сводку, адмирал сердито стиснул зубы.

— Боюсь, мы недооценили хитрость этих пришельцев, — прошептал он.

— Вы не первый, лорд адмирал, — заметил Криптман.

— Неужели тираниды сознательно вовлекли нас в это сражение? — гневно спросил де Корте. — Четыре корабля уже вышли из строя, а мы сумели всего лишь слегка поцарапать шкуру корабля-матки.

— В войне против тиранидов вы должны быть готовы к большим потерям, лорд адмирал.

— К большим потерям? Да вы представляете, сколько людей уже погибло?

— Великое множество, я знаю. Но погибнет ещё больше, если мы проиграем бой. Необходимо усилить натиск и уничтожить корабль-матку.

Ответить адмиралу помешал Джеке Вьерт.

— Сэр, мы вышли на огневой рубеж!

Де Корте окинул инквизитора раздражённым взглядом и торопливо прошёл к обзорному экрану. «Меч возмездия» залпами торпед и энергетическим лучом пробил брешь в защите корабля-матки, и теперь обстреливал чудовище из бортовых орудий. Однако только часть снарядов достигала шкуры исполина. Группа мелких судов и лёгких крейсеров подходила на помощь линкору. Де Корте знал, что нужно делать.

— Приказываю открыть огонь из энергетических орудий. Необходимо расширить образовавшуюся брешь. Нам потребуется свободное пространство для решительного удара по этому монстру.

— Есть, сэр! — откликнулся Вьерт и передал оружейникам приказ адмирала. Затем офицер поднёс руку к наушнику и поднял голову. — Сэр! Капитан Пайн просит разрешения на сближение с врагом. Он утверждает, что появилась возможность для атаки.

Де Корте понимал, что «Мариатус» неминуемо погибнет без дополнительной огневой поддержки. «Аргус» уже почти зашёл в хвост корабля-матки, и адмирал ощущал, как вибрирует палуба от непрерывной стрельбы из всех его орудий.

— Лейтенант Вьерт, разрешения на атаку капитану Пайну я не даю. В ближайшее время нам потребуется каждый боевой корабль. Сейчас ни к чему этот излишний героизм. Передайте капитану «Мариатуса», чтобы он отошёл назад и поддерживал своим огнём крейсер «Ерметов».

— Есть, сэр.

Небольшие плотные существа, вылетевшие из живота корабля-матки, пулями пронесли мимо больших кораблей Имперского Флота, миновали величественную громаду «Меча возмездия» и устремились к судам Космодесантников. Беспрестанные залпы орудий заметно уменьшили их численность, но уцелевшие существа продолжили полет.

При виде приближающейся стаи мелких био-кораблей на лбу адмирала Тибериуса выступил пот. До этого момента орудия ближнего боя удерживали пришельцев на расстоянии, но против такого натиска их огонь будет бессилён.

— Сэр, — в отчаянии крикнул Филотас, — «Искушение Смерти» покинул строй!

Тибериус бросил взгляд на экран и с ужасом убедился в том, что крейсер Мортифактов запустил двигатели на полную мощность и взял курс на корабль-матку. Его орудия прекратили стрельбу и оставили «Горе побеждённому» без поддержки.

— Проклятие, что они задумали? — воскликнул Тибериус, хотя ответ был очевиден.

Неустанная стрельба «Меча возмездия» и сопровождавших его крейсеров пробила брешь в плотной завесе спор вокруг корабля-матки.

— Они идут на корабль-матку! — выкрикнул Филотас.

— Успеют ли они подойти прежде, чем эта тварь восстановит защиту? — спросил Тибериус.

Филотас поспешно бросился к навигационному столу и стал вымерять расстояния и траектории движения объектов. После недолгих вычислений он огорчённо покачал головой.

— Они смогут пройти сквозь этот слой, лорд адмирал, но сразу будут отрезаны от основных сил.

Тибериус так сильно стукнул кулаком по столу, что треснуло стекло монитора.

— Девять кругов ада, да что же они затеяли?! В Кодексе ясно говорится, что такой манёвр допустим только при соотношении огневой мощи три к одному.

— Мне кажется, капитан Гейзерик вряд ли знаком с этим разделом Кодекса, сэр. Зато теперь на нас обрушилось ещё больше врагов, — тихо сказал Филотас, указывая на обзорный экран.

Воспользовавшись тем, что «Искушение Смерти» прекратил стрельбу, почти полдюжины относительно небольших био-кораблей прорвались сквозь оборону и находились теперь всего в нескольких секундах полёта от «Горя побеждённому».

Био-корабль с крепкой, как камень, поверхностью ударил в борт «Горю побеждённого» и ворвался в отсек. Уриэль стремительно рванулся к пробоине. Оглушительно зазвенели тревожные сирены, и красные огни окрасили все вокруг в цвет крови.

— Развернуться цепью! — скомандовал капитан Вентрис, направляя своих солдат к другим таким же пробоинам. — Не пропускайте мимо себя ни одного из пришельцев!

Сильным ударом он пробил хитиновый покров тираниды, похожего на огромное, неправильной формы яйцо, вкатившееся в коридор. Из трещины потекла желтоватая слизь, и горячий пар окутал все вокруг. От яйца отвалился кусок скорлупы, и обнажилась внутренняя, полупрозрачная оболочка.

— Пазаниус, быстро сюда, мне нужен твой огнемёт, — закричал Уриэль, заметив под мембраной био-снаряда судорожные движения.

До подхода Пазаниуса он выхватил болтер и очередью разорвал мембрану, заставив тварь исторгнуть пронзительный крик боли. Из оболочки био-снаряда высунулся длинный коготь, а следом на свет показалось невиданное существо. Тягучие капли, поблёскивая, скатывались с наружных костей скелета, а на покрытой слизью голове сверкали острые как иглы зубы. Лёгким прыжком существо выскочило из яйца и, звонко стукнув всеми четырьмя когтистыми лапами, приземлилось на палубу. Из пасти вырвалось сердитое шипение, а тёмные глаза часто заморгали, приспособляясь к новым условиям. В клубах пара над краем разбитого био-снаряда показались ещё трое таких же созданий. Под обрывками мембраны Уриэль заметил множество пробуждающихся тварей и успел почти полностью разрядить обойму, пока наконец рядом с ним не появился Пазаниус.

Два существа были разорваны болтерными зарядами, и брызнувшая из них жидкость залила остальных. В этот момент коридор окатила струя огня — это вступил в бой Пазаниус, не забыв прочитать коротенькую молитву, прося прощения у древнего корабля за такое кощунство.

Навстречу Космодесантникам поднялась объятая пламенем тварь с яростно оскаленными клыками. Не успела она сделать и шагу, как Уриэль вонзил в её живот меч и одиночным выстрелом из болтера разнёс уродливую голову. Теперь уже со всех сторон слышались пальба и вопли пришельцев. Космодесантники вступили в сражение с высадившимися захватчиками.

Даже после атаки Пазаниуса в остатках яйца копошились живые создания, и Уриэль поразился их живучести. Одним ударом энергетического меча он рассёк пополам сразу двоих врагов. Третьего капитан опрокинул как раз в тот момент, когда тот выбирался из обломков скорлупы и, потеряв равновесие, вывалился прямо под ноги Космодесантника.

Уриэль придавил его шею тяжёлым ботинком и стаи перезаряжать болтер. Тем временем Пазаниус рукопашную схватился ещё с двумя противниками. Их острые когти яростно скребли по его доспехам. Но броня Терминатора и была спроектирована как раз для таких случаев. Ни когти, ни клыки пришельцев не Могли повредить её. Наконец сержант схватил своих противников за шеи и столкнул головами. Оба черепа с противным чмокающим стуком

раскололись на куски.

Пазаниус бросил на пол ещё извивающиеся тела. Его огнемёт валялся в стороне: ёмкость с прометиумом была повреждена, из неё сочились последние капли. Однако все больше тиранидов карабкалось через трупы своих сородичей, торопясь добраться до противника. Уриэль и Пазаниус встали рядом и принялись отбиваться от многочисленных врагов. Чудовища грозили окружить их со всех сторон, и друзья были вынуждены отступить под натиском бесчисленных когтей и зубов. Несмотря на отчаянные усилия, Космодесантники не могли сдержать наступление. Казалось, врагов становилось всё больше. Неужели к ним подходит подкрепление из других капсул, попавших на корабль?

Зазубренный коготь распорол доспехи и впился в мускулы бедра. Уриэль вскрикнул от боли и отшатнулся. Окровавленный коготь выскользнул из раны. Капитан сделал выпад и точным ударом снёс пришельцу голову, а затем снова отпрыгнул назад. Отсек кишел тиранидами. Пазаниус заметил кровь на бедре командира и протянул руку, чтобы поддержать друга.

— Беги! — крикнул Уриэль и подтолкнул Пазаниуса, а сам бросил гранату.

Сержант схватил Вентриса за руку и толкнул на пол за мгновение до взрыва. Коридор заполнился обугленными останками ксеносов.

Загорелся вытекший из огнемёта прометиум. Ревущее пламя со свистом прокатилось по всему отсеку. Уриэль ощутил сильный жар и тревожно глянул на датчик температуры внутри шлема. Но ни его броня, ни доспехи Пазаниуса не подвели своих владельцев. Как только огонь погас, друзья подняли головы и увидели перед собой почерневший, дымящийся коридор, усыпанный полусгоревшими останками тиранидов.

Звуки боя в соседнем отсеке ещё не стихли, и оба Космодесантника поспешили подняться на ноги.

Им предстояло убить ещё многих.

Адмирал де Корте наблюдал за приближением «Искушения Смерти» к маточному кораблю со смешанными чувствами негодования и восхищения. Мортифакты покинули строй, но, видит Император, они проявили истинное бесстрашие! Теперь оружие крейсера в упор расстреливало исполинский био-корабль и вырывало громадные куски из его шкуры.

Длинные, толстые щупальца протянулись к кораблю от задней части чудовища, но капитан в последний момент сумел увести корабль от грозящей опасности.

Одна стая мелких био-кораблей устремилась вслед за крейсером, отрезая путь для отступления. В это же время другая группа ринулась в яростную атаку. Струи кислоты и плазменные снаряды градом посыпались на «Искушение Смерти», и его броню охватило пламя.

В горделивом молчании инквизитор Криптман наблюдал за ходом этой неравной схватки. Костяшки его пальцев, сжимавших трость, побелели от напряжения.

Внезапно он обернулся к адмиралу:

— Мы должны им помочь. Прикажите дать полный ход.

— Это невозможно, — ответил де КORTE. — Мы находимся слишком далеко. Мы не успеем подойти вовремя. Корабль займёт позицию позади исполина, как и предусмотрено планом.

— Делайте, как я сказал! — воскликнул лорд-инквизитор и застучал тростью по палубе. — Надо спешить! — Криптман резко повернулся к одетому в чёрный костюм Джаэмару, комиссару корабля. — Вы! Заставьте его повернуть этот забытый Императором корабль и помочь храбрым воинам.

Джаэмар, испуганный горячностью инквизитора и немало слышавший о его характере, расстегнул кобуру.

— Лорд адмирал прав, комиссар, — вмешался флаг-лейтенант Вьерт. При этих словах он красноречиво опустил ладонь на рукоять меча. — Вы видите перед собой только то, что изображено на мониторах. Даже если немедленно отдать приказ о смене курса, мы не сможем набрать необходимую скорость и не успеем оказать какую-либо помощь. Ситуация такова, что Мортифактам придётся рассчитывать только на свои собственные силы.

Но Джек Вьерт ошибался.

— За Императора! — крикнул Пайн и крепче стиснул штурвал погибающего «Мариатуса». Приближающаяся громада корабля-матки занимала весь обзорный экран, и капитан сознавал, что, даже если выживет в этой битве, будет осуждён военным трибуналом за неподчинение прямому приказу. Но после гибели двух своих кораблей он был готов рискнуть и большим, лишь бы отомстить за смерть своих отважных товарищей.

В борт «Мариатуса» ударила струя плазмы, выпущенная чудовищным кораблём, и судно задрожало всем корпусом. Орудия сторожевика не умолкали ни на секунду. Снаряды вгрызались в гигантскую тушу, вырывали куски плоти, оставляя цепочки кровоточащих ран.

На обзорном экране возник изящный силуэт «Искушения Смерти». В ту же секунду огромное существо вцепилось в борт крейсера гигантскими клешнями и сорвало часть обшивки. Монстры поменьше тоже спешили броситься на отважный крейсер, но его крупнокалиберные носовые орудия продолжали упорно бить по маточному кораблю. Несмотря на отчаянный героизм смельчаков, исход неравной схватки казался предрешённым.

Только капитан Пайн не мог с этим согласиться.

Из переговоров капитанов по воксу Уриэль узнал о разыгравшейся драме и побежал к капитанскому мостику. Все тираниды, проникшие на борт «Горя побеждённого», были уничтожены, а пробоины в обшивке заделаны.

Уриэль не мог поверить тому, что капитаны говорили о Мортифактах. Нарушить боевой строй и вырваться вперёд, чтобы с близкого расстояния поразить гигантскую цель — всё это совершенно не укладывалось в рамки учения примарха. Вентрис на бегу убрал окровавленный меч в ножны и, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, поднялся на капитанский мостик. На лице лорда адмирала Тибериуса застыла маска едва сдерживаемой ярости.

— Уриэль, слава Императору! — воскликнул капитан «Горя побеждённого».

— Захватчики уничтожены, — доложил Уриэль и уставился в обзорный экран.

Корабль Мортифактов постепенно затягивало завесой спор тиранидов. Его мощные пушки продолжали вести стрельбу, но судить о её эффективности из-за ухудшения видимости было уже трудно.

— Что же они наделали? — горестно прошептал Уриэль.

Тибериус молча покачал головой. Даже опытный адмирал не мог подобрать подходящих слов. Вдруг в поле зрения появился сильно пострадавший корабль класса «Меч». Из его топливного бака тянулся искрящийся шлейф плазмы и мгновенно замерзающего кислорода.

— Кровь Жиллимана, вы только посмотрите! — воскликнул Филотас.

Нос «Мариатуса» был направлен в самую середину туши чудовища, которое атаковало корабль Мортифактов.

Броня Имперского корабля треснула при ударе о жёсткий покров тиранида, но сила инерции была такова, что нос пробил хитиновый каркас и вонзился в плоть. Струи ичора, хлынувшие во все стороны, оросили судно Космодесантников. Чудовище содрогнулось в агонии. Было видно, как, судорожно сократив мышцы, оно попыталось вытолкнуть из себя корабль, но двигатели продолжали работать, вгоняя «Мариатус» внутрь гиганта.

Каким бы героическим ни был поступок капитана Пайна, но вокруг корабля Мортифактов оставалось ещё множество тиранидов, готовых прикончить отважного противника. Все они едва успели отреагировать на неожиданное вторжение, и в этот момент выстрел носового орудия крейсера достиг цели. Снаряд ударил в жизненно важный орган, находящийся в хвостовой части маточного корабля. Струя яркой жидкости фонтаном взвилась над страшной раной, и по всему телу исполина прокатилась дрожь. Связь между кораблём-маткой и его спутниками была нарушена.

Криптман увидел, как из тела гиганта выплеснулась струя жидкости, и в ту же секунду защитники своей повелительницы безвольно замерли в пространстве. Лорд инквизитор быстро переводил взгляд с одного био-корабля на другой, но ни один из них не делал попыток возобновить яростные атаки.

— Связь с Совокупным Разумом прервана! — вскрикнул Криптман и так резко повернулся к адмиралу, что чуть не сбил его с ног. — Надо немедленно атаковать, пока она не восстановилась! Немедленно!

Брегант де Кортэ кивнул старшему флаг-лейтенанту Вьерту, все ещё стоявшему между ним и инквизитором.

— Лейтенант Вьерт, передайте приказ: всем кораблям двигаться вперёд. Пора покончить с этими тварями.

Пока био-корабли безвольно дрейфовали в пространстве, капитаны «Меча возмездия», «Луксора», «Ерметова» и «Аргуса» на предельной скорости подходили как можно ближе к врагам и уничтожали их настолько быстро, насколько позволяла скорострельность орудий и расторопность команд. «Горе побеждённому» и звено Преторианцев присоединились к ним и прицельным огнём разносили в клочья тушу исполина. Залпы следовали один за другим, снаряды и лучи лазеров били по главному кораблю тиранидов, вырывали огромные куски окаменевшего покрова и разбрасывали во все стороны сгустки ихора.

Ещё недавно ужасающие щупальца вяло пытались отогнать атакующие корабли, но их движения стали слишком медленными и нескоординированными. Через какое-то время мелкие существа, охранявшие корабль-матку, стряхнули оцепенение и вернулись к своим основным обязанностям, но было уже слишком поздно. Суда Имперского Флота заняли идеальные позиции для нанесения смертоносных ударов почти по всем био-кораблям тиранидов. «Меч возмездия» уничтожал одного врага за другим, словно участвовал в учебных стрельбах в окрестностях Бакки.

Сильно пострадавший крейсер Мортифактов двинулся к накренившемуся маточному кораблю. В знак уважения к бесстрашию его экипажа, все корабли расступились, давая возможность капитану Гейзеру нанести последний удар.

Из бьющейся в предсмертных судорогах туши маточного корабля вываливались внутренности, из перебитых артерий и оторванных конечностей толчками вытекал ихор. Отростки, уцелевшие в бою, извивались в судорожных спазмах, а через огромную рану в толстом панцире можно было видеть сердце корабля-матки, его главный орган. Он ещё работал, пытаясь продлить жизнь чудовища.

Единственный снаряд из тяжёлого орудия пробил толстый слой плоти, прикрывающей сердце, и взорвался в одной из камер, превратив её в окровавленные лохмотья. По телу тиранида прошла предсмертная дрожь, и на этом всё было кончено.

Адмирал де Кортэ облегчённо вздохнул, а все присутствующие на капитанском мостике разразились торжествующими криками. «Искушение Смерти» прикончил главный корабль тиранидов. В душе адмирала бушевали противоречивые чувства. Он понимал, что капитан Гейзерик нарушил боевой порядок и пошёл против всех законов, преподаваемых в навигационных академиях. Но де Кортэ не мог отрицать и того, что поступок Мортифактов стал ключевым в уничтожении вражеской флотилии. Однако опытному адмиралу было хорошо известно, что великими становятся капитаны, посмевшие нарушить правила стратегии и всё же выиграть битву. Неизвестно, был ли Гейзерик великим капитаном или ему просто очень повезло. Вслух адмирал защищал первый вариант, а в душе склонялся ко второму. Если бы не бесстрашный, но совершенно непредсказуемый поступок капитана Пайна, безжизненные тела Мортифактов сейчас плавали бы в пространстве рядом с трупом маточного корабля тиранидов. Не отрывая взгляда от тёмной громады, адмирал молча вознёс молитву духам войны, поблагодарил их за защиту его крейсера и помощь в битве.

— Лейтенант Вьерт, возьмите на заметку, — обратился он к помощнику. — Эта славная победа должна быть отражена на знамени нашего корабля.

— Есть, сэр. И возможно, необходимо отслужить благодарственный молебен?

— Верно. Благодарственный молебен в корабельной часовне во время вечерней молитвы. Благодарю, лейтенант Вьерт.

Адмирал сцепил руки за спиной и неторопливо прошёлся по капитанскому мостику. Инквизитор Криптман шаркающей походкой приблизился к капитану «Аргуса».

— Великая победа, — громко, чтобы слышали все: присутствующие, произнёс де Кортэ.

— Да, победа, — кивнул лорд-инквизитор. — Остаётся только убедиться, насколько она велика.

Адмирал наклонился к Криптману и перешёл на шёпот:

— И вам, и мне прекрасно известно, какой высокой ценой нам досталась победа, но вряд ли стоит объявлять эту цену во всеуслышание. В этом вопросе я прошу вашего содействия.

Лорд— инквизитор скривился, словно собирался резко возразить, но затем коротко кивнул:

— Вы правы, адмирал. Правда не всегда бывает полезной.

Де Кортэ с благодарностью пожал локоть лорду-инквизитору и, полный воодушевления, стал диктовать приказы. Объединённый флот должен покинуть окрестности Барбаруса I и направиться в орбитальные доки Корделиса.

На обзорном экране можно было видеть целую флотилию био-кораблей и кораблей-маток,

оторвавшихся от процесса поглощения. Битва при Барбарусе I была выиграна, но ввиду такой громадной угрозы было бы неразумно снова вступать в бой без предварительного перевооружения и перегруппировки.

Да, люди одержали великую победу, но она была всего лишь верхушкой айсберга. Настоящая война ещё не началась.

Глава 6

Поначалу Леаркус был разочарован тем, что жители Тарсис Ультра не слишком строго придерживались заветов примарха. Однако осмотр защитных сооружений Эребуса произвёл на него благоприятное впечатление. Десятиметровая крепостная стена простиралась на пять километров в каждую сторону и упиралась в стены ущелья. Мощная и прочная, она была ничуть не хуже подобных сооружений на Макрейдже. Облицованная гладким камнем стена блестела в лучах низкого зимнего солнца, словно мраморная. Небольшие выступы прикрывали золотые ворота. В центральной части сооружения по специально установленному медному жёлобу направлялись струи водопада. Брызги клубились ледяным туманом. Внизу рядом с дорогой был прорыт канал, который соединялся с неторопливо текущей рекой, сбегаящей в долину.

Утро выдалось холодным. Дыхание Леаркуса застывало в воздухе облаками пара, хотя энергосистема доспехов почти полностью защищала сержанта от стужи. Сопровождавший его офицер, одетый в безукоризненно вычищенный голубой мундир с меховым воротником и белый остроконечный шлем, дрожал от холода, несмотря на то что поверх его кителя был намотан серый шарф, а из глубоких карманов выглядывали толстые варежки. Офицер представился майором Сатриа. Он командовал силами самообороны города от имени обер-фабрикатора Монтанта. Металлические пластины нагрудника майора были начищены до серебристого блеска, а пристёгнутые к поясу ножны отливали золотом.

— Скажите, этот канал замерзает зимой? — спросил Леаркус.

— Здесь, снаружи, канал замерзает, — ответил майор Сатриа. — Но чем ближе к городу, тем больше тепла сохраняется в ущелье, и вода остаётся свободной ото льда.

— Насколько далеко замерзают каналы? — настаивал Леаркус.

— Каналы вдоль первой и второй оборонительных стен замерзают каждый год, а вдоль внутренней — не всегда. Это зависит от того, насколько низкими будут температуры.

Леаркус кивнул и шагнул по направлению к воротам.

— А каковы предсказания насчёт предстоящей зимы?

— Метеорологи обещают суровые морозы, — сказал Сатриа, пытаясь поспевать за широко шагающим сержантом. — Но ведь они каждый год предсказывают одно и то же.

Зимы на Макрейдже показали Леаркусу, насколько лютыми могут быть холода и как это может отразиться на боеспособности солдат. Он сознавал, что война пришла в этот мир в самое неподходящее время. Холодная погода уже причинила им немало неприятностей — бойцы страдали от обморожений и простуд. Армейские санитары из корпуса Логреса регулярно проводили инструктаж для солдат Крейга и местных сил обороны, рассказывали о том, как нужно приспосабливаться к таким жестоким условиям. Но для того чтобы научиться всем этим премудростям, требовалось время.

Леаркус и Сатриа вступили на запруженный людьми стальной мост. Выгнутые металлические опоры уже покрылись толстым слоем пушистого инея, а в воде канала мелькали первые льдинки. Сержант приказал заминировать мост, чтобы уничтожить переправу при первых признаках нападения тиранидов. Конечно, он понимал, что совсем скоро канал можно будет форсировать по замёрзшему льду. Неважно. Леаркуса учили, что надо уничтожать каждый объект, который может облегчить продвижение врага, и потому приказал подготовить мост к ликвидации.

Но пока переправа оставалась в целости и сохранности, жители Эребуса вовсю пользовались ею. Из главных городских ворот выезжали самые различные транспортные средства: от сверкающих лимузинов до фермерских повозок, заваленных домашним скарбом. Жители Тарсис Ультра спешили к космопорту, увозя с собой всё, что могли увезти.

Миновав мост, Леаркус и Сатриа спустились на разбитую грунтовую дорогу, ведущую к боковым воротам. Мимо проехал грузовик, полный перепуганных горожан. Неподалёку стартовал космический корабль, и рёв его двигателей прервал на некоторое время разговор воинов. Оба повернулись и проводили взглядами окутанное дымом грузовое судно. Уже восьмой корабль покидал Тарсис Ультра только за сегодняшнее утро, и, судя по нескончаемому потоку людей, он был далеко не последним.

— Невероятно, ваши люди не хотят остаться и защитить свой мир, — заметил Леаркус, глядя на суету внизу. — Где их патриотизм? Их миру грозит враг, а они бегут. — Он разочарованно покачал головой. — Жители Ультрамара никогда не оставили бы свои дома без боя. Я-то думал, что известие о великой победе у Барбаруса Один придаст им хоть какую-то твёрдость, но они, кажется, стали ещё слабее.

— Люди напуганы, — пожал плечами Сатриа. — И я не виню их. Если хотя бы половина из того, что я слышал об этих пришельцах, окажется правдой, я могу понять их стремление сбежать подальше.

— А вы? Если бы представился шанс, вы тоже убежали бы? — поинтересовался сержант.

— Нет, — с улыбкой признался Сатриа. — Я дал слово защищать этот мир и не собираюсь его нарушать.

— Приятно слышать, майор Сатриа. Чувствуется воинский дух Ультрамарина.

Сатриа расцвёл от неожиданной похвалы. Мужчины замедлили шаг у отчаянно ревущего грузовика. Задние колёса машины беспомощно вращались в жидкой грязи. В кузове замерли два десятка побледневших от страха горожан. Позади раздавались непрерывные гудки других автомобилей, словно их водители старались подтолкнуть застрявший грузовик громкими сигналами. Фонтаны воды и комок грязи, вырывавшиеся из-под его колёс, окатили стоявший за ним лимузин, заляпали ветровое стекло и оставили царапины на сверкающих полировкой крыльях.

Водитель грузовика продолжал отчаянно давить на газ, из выхлопной трубы повалили клубы синего, маслянистого дыма. С заднего сиденья лимузина выбрался пассажир — высокий мужчина с залысинами и длинным крючковатым носом. Он сразу же стал кричать на водителя грузовика, грубо намекая на происхождение его родителей и личные промахи в гигиене.

Леаркус шагнул вперёд, намереваясь отругать грубияна за антиобщественное поведение и непристойные выражения, но майор Сатриа остановил его:

— Предоставьте его мне, сержант. Я знаю этого типа, здесь надо действовать осторожно.

— Ну, хорошо, — неохотно согласился Леаркус.

Майор взобрался на подножку грузовика, заглянул в кабину и молча провёл ладонью по горлу. Натужный рёв двигателя мгновенно стих до негромкого ворчания, и Сатриа направился к пассажиру лимузина.

— Довольно, господин Ван Гёльдер, — проговорил он. — Не стоит употреблять такие выражения.

Высокий мужчина надменно выпрямился и засунул большие пальцы в карманы длинного пальто. Майора он встретил саркастической усмешкой.

— Вы видели, что это идиот сделал с моей машиной? — бросил он.

— Конечно видел, господин Ван Гёльдер. И если вы наберётесь терпения, мы быстро освободим дорогу. Необходимо только найти подходящие доски, чтобы подложить их под колёса грузовика.

— Я хочу знать имя этого никудышного водителя, чтобы получить компенсацию по возвращении на Тарсис Ультра.

— Уверяю, я лично прослежу, чтобы всё было исполнено, сэр, — искренне заверил его Сатриа.
— А теперь вернитесь, пожалуйста, в тёплый и уютный салон вашего лимузина, а мы

постараемся как можно быстрее вытащить грузовик.

Не успел Ван Гёльдер ответить, как за спиной майора раздался громкий скрежет. Сатриа обернулся и увидел, что сержант Леаркус без особых усилий поднял до отказа загруженную машину за задний мост и переставил колеса на более твёрдый грунт. Как только Космодесантник отпустил грузовик, водитель немедленно запустил двигатель и уехал к космопорту.

Сатриа слышал немало рассказов об удивительной силе Космодесантников, но не придавал им особого значения, считая подобные разговоры чуть ли не сказками. Теперь он убедился, как глубоко заблуждался.

Леаркус выпрямился и направился к замершим на месте Ван Гёльдеру и майору. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Подойдя, он указал на толпы людей и длинную цепочку машин, выезжавших из городских ворот.

— Хватит! Пора это прекратить! С Тарсис Ультра больше никто не улетит. Возвращайтесь в свои машины, разворачивайтесь и езжайте обратно в ваш город!

Сатриа поморщился, услышав это, по его мнению, нетактичное заявление. Даже на Ван Гёльдера оно произвело впечатление. Однако такого человека не легко было смутить.

— Вам известно, кто я такой? — вспыхнул он.

— Нет, — равнодушно ответил Леаркус. — И меня это несколько не интересует. А теперь разворачивайте машину, пока я сам её не развернул.

После красноречивой демонстрации силы Космодесантника у Ван Гёльдера не оставалось никаких сомнений в том, что сержант выполнит обещание. Мужчина неохотно вернулся на сиденье лимузина.

— Обер-фабрикатор непременно узнает об этом инциденте, — крикнул он на прощание.

— Я сам позабочусь об этом, — кивнул Сатриа.

Ван Гёльдер насторожённо прищурился, пытаясь определить, не насмешка ли это, а затем громко хлопнул дверцей. Колеса лимузина взвизгнули, когда автомобиль развернулся на узкой дороге.

— Мне кажется, мы его несколько огорчили, — усмехнулся майор.

— Вот и хорошо, — ответил Леаркус.

Подтаявший снег тонкими струйками стекал по запотевшему стеклу вагона. Лейтенант Квинн разглядывал бесконечно однообразный заснеженный пейзаж за окном, пытаясь определить, насколько быстро движется поезд. Состав стал поворачивать, и, схватившись за поручень, лейтенант высунулся наружу, чтобы посмотреть на вагоны, а заодно и протереть стекло перчаткой. Затем Квинн сел на место и улыбнулся сидящей напротив молодой супружеской паре.

— Беспокоиться не о чём, — сказал он. — Уже совсем скоро мы будем в Эребусе. Осталось только забрать людей из Прандиума.

Мужчина кивнул, а женщина испуганно посмотрела на белую сталь лазерного ружья, лежащего на коленях лейтенанта. Во время этой поездки ему не раз приходилось ловить такие взгляды. Люди боялись предстоящей войны, но Квинн не мог заставить себя жалеть их. В конце концов, разве не должен каждый гражданин Империи подняться с оружием в руках на борьбу с врагами человечества?

Вместе со своим взводом лейтенант уже собрал жителей шести небольших селений и усадил их в этот длинный поезд, чтобы привезти под защиту стен Эребуса. Десятки других взводов выполняли ту же миссию по всему континенту, и, если повезёт, в скором времени они все без особых происшествий выполнят задание. За мощным локомотивом тянулось больше шестидесяти вагонов. Состав был до отказа заполнен перепуганными людьми.

Лейтенант Квинн уже предвидел, какое возникнет недовольство, когда он прикажет пассажирам выбросить кое-что из скарба, чтобы освободить место для жителей Прандиума.

Сержант Клейн, его адъютант, с трудом пробирался по проходу вагона. Ему приходилось протискиваться между людьми и багажом. Толстая куртка и комбинезон мешали в такой тесноте, оружие пришлось поднять над головой, а портупею повесить на шею.

— Сэр, ещё чуть-чуть, и мы остановимся в Прандиуме.

— Отлично. Почти закончили, а сержант?

— Да, сэр.

— Прикажи людям оставаться на местах. Я возьму первое отделение, а ты — второе.

Клейн кивнул и стал пробираться обратно, в другой конец состава. В это время поезд начал притормаживать, Квинн поднялся со своего места и стал пробираться к дверям, где его уже ждал дежурный патруль. Лейтенант коротко поприветствовал солдат и протёр стеклянную дверную створку. Снаружи уже мелькали серебристые опоры платформы. Что-то показалось ему странным, но только через пару секунд он понял, в чём дело.

Платформа была пуста.

Повсюду находились упрямы, несогласные покидать насиженные места. Но в большинстве посёлков люди с нетерпением ждали возможности уехать и заранее собирались на платформах с вещами, ожидая прибытия эвакуационного поезда.

Но не здесь.

Квинн тяжело вздохнул. Похоже, придётся идти и уговаривать упрямых крестьян оставить свои дома и ехать с ними. Пора бы уже к этому привыкнуть. Каждый раз, когда пришельцы нападали на одну из криветочных ферм Океаноса, солдатам приходилось иметь дело с твердолобыми морскими фермерами. И каждый раз они говорили, что никогда не покинут свои плавучие хозяйства, которыми их семьи владели из поколения в поколение. По своему опыту Квинн знал, что такие упрямы не долго оставались в живых.

Поезд плавно остановился, и автоматические двери распахнулись. Морозный ветер мгновенно стал выдувать тепло из вагона вместе с жалобами и проклятиями пассажиров. Квинн шагнул на платформу и услышал, как скрипит снег под его ногами.

Странно. Смотрители станции обязаны были чистить платформы. Окна вокзала стали непрозрачными от морозных узоров, а с навеса над выходом свисали длинные сосульки. Металлическая вывеска, свидетельствующая о том, что они действительно прибыли в Прандиум, со скрипом покачивалась под погасшим фонарём.

На противоположном конце платформы показалось отделение Клейна, и лейтенант взмахом руки подозвал своего адъютанта.

— Странный случай, — задумчиво проговорил Квинн.

— Согласен, — кивнул сержант. — Похоже, здесь никто не появлялся уже несколько дней.

— Ни один состав не мог пройти здесь до прихода нашего поезда, не так ли?

Клейн вытащил из нагрудного кармана толстый блокнот, перелистал его и покачал головой:

— Нет. По моей информации, не должно быть никакого другого состава, сэр.

— Мне это не нравится, — заметил Квинн.

— Что прикажете предпринять?

— Двигайтесь в селение. И будьте настороже. Здесь что-то не так.

Клейн отсалютовал и зашагал к своим людям.

— Ладно, — покачал головой лейтенант, — посмотрим. Осторожно шагая по обледеневшей платформе, он дошёл до лесенки под знаком «Выход» и снял оружие с предохранителя. Каменные ступени были покрыты толстым слоем снега, а с перил свисало множество мелких сосулек. Квинн сделал знак своим солдатам двигаться как можно тише и осторожнее.

Заснеженные улицы были необычно пусты, тишину нарушало только негромкое завывание ветра да поскрипывание ледяной корки под ботинками солдат. Не было слышно даже птичьих голосов. Вокруг стояли прочные на вид дома, изготовленные из готовых сборных секций. Стандартные постройки, такие же, как и во всех других мирах Империи, только выполненные из местного материала. Чуть поодаль одиноко стоял домик генераторной подстанции, а на другом конце улицы возвышалось три огромных зернохранилища.

В воздухе ощутимо сгустилось напряжение, и Квинн не мог его не почувствовать. Прандиум выглядел давно покинутым. Повсюду читались следы запустения.

— Пошли, — бросил лейтенант.

Отделение двинулось дальше, по колено в снегу, с трудом прокладывая себе дорогу. Переулки казались слишком узкими и опасными. В просветы между домами Квинн мог видеть отделение Клейна, идущее по параллельной улице.

В напряжённой тишине неожиданно громко хлопнула дверь. Солдаты мгновенно обернулись, вскинув оружие. Ветер. Здесь явно произошло что-то странное. Теперь тревожные предчувствия лейтенанта переросли в твёрдую уверенность. Люди могли эвакуироваться на каком-то другом поезде, о котором он не знал. Но Квинн также знал и другое: ни один фермер, как бы он ни торопился, не оставил бы дверь дома открытой, тем более зимой.

В тени одного из элеваторов стояли два больших комбайна, и лейтенант указал на них своим солдатам. В свежем морозном воздухе витал устойчивый запах гниющего зерна. Отделение с двух сторон обогнуло комбайны, и тут Квинн увидел нечто, что заставило его резко остановиться и предостерегающе поднять руку.

В стене у пола одного из зернохранилищ зияла трёхметровая дыра. Металл по краям загнулся и треснул, а на земле лежала гора замёрзшего зерна. Квинн осторожно шагнул вперёд и вздрогнул от неприятного холодка, пробежавшего по спине. Обнажив цепной меч, лейтенант нащупал руну активации, а затем включил прицел лазерного ружья. Едва он заглянул в темноту элеватора, как в его ноздри ударил странный густой запах, слегка разбавленный морозным воздухом. Квинн повёл светящимся прицелом и осмотрел помещение. Узкий луч высветил только отдельные детали картины, но и этого было достаточно.

Лейтенант беспомощно махнул рукой связисту.

— Вызови сюда Клейна, — прошептал он дрожащим голосом. — И скажи, пусть он поторопится.

Сержант Леаркус, майор Сатриа и полковник Стаглер, командир корпуса Крейга, стояли на промёрзшем бастионе первой крепостной стены Эребуса и наблюдали за учениями солдат местных сил самообороны.

На эспланаде между первой и второй линиями обороны люди потели и ворчали. Солдаты, разделённые на небольшие группы, отрабатывали приёмы ближнего и рукопашного боя. Их голоса заглушали стук молотков и звон лопат — остальные подразделения копали траншеи в промёрзшей земле перед стенами. Сержант Леаркус смотрел вниз с выражением разочарования и терпеливого смирения.

— Как я понимаю, вас не очень-то впечатляет уровень их подготовки, — заметил Сатриа.

— Да, большинство из этих людей не выдержали бы и недели в Аджизелусе, — покачал головой Леаркус.

— Это одна из учебных баз на Макрейдже, не так ли? — спросил Стаглер.

— Да. Это недалеко от подножия Геры. Там обучался сам Робаут Жиллиман. Мы с капитаном Вентрисом тоже имели честь пройти там полный курс.

Сержант Леаркус ознакомился с результатами стрельб каждого из артиллерийских подразделений и присутствовал на занятиях по стрельбе из автоматических винтовок и лазерных ружей. В конце концов он решительно подошёл к одному из бойцов и выхватил из рук заметно нервничавшего стрелка лазган.

— Вы учите солдат стрелять? — Космодесантник повернулся к замершему от удивления Сатриа.

— Да. Я подумал, что это может им пригодиться, — озадаченно ответил майор.

— Только не в войне против тиранидов, — сказал Леаркус. — Вам приходилось хоть раз видеть этих тварей?

— Вы же знаете, что нет.

— А мне приходилось. Они нападают такими стаями, что даже слепой попадёт в цель в десяти случаях из десяти. Каждый, кто может держать в руках огнестрельное оружие, способен

попасть в тиранида. Однако не важно, скольких из них вы сумеете перестрелять. На их месте всегда появятся новые. Наш долг — научить солдат бороться с теми, кто доберётся до линии обороны.

С того дня организация и разработка программ совместных учений легли на плечи Леаркуса. За неделю, прошедшую после закрытия городских ворот, ему пришлось столкнуться с бюрократическими проволочками и многолетними догмами, но сержант всё же добился полного подчинения и принятия комплексного плана подготовки.

Людей поднимали на рассвете. Сначала они практиковались в сборке и разборке оружия, а потом занимались физическими упражнениями на свежем воздухе. Санитары из корпуса Логреса рассказывали солдатам о том, как сохранять тепло в морозную погоду и избегать обморожения. Например, они учили контролировать двигательную активность, чтобы под зимней одеждой не выступал пот, так как влага может сильно ухудшить изоляционные свойства ткани.

— Люди должны учиться быстрее, — настаивал Леаркус. — Иначе они погибнут в первом же бою.

— Вы хотите добиться невозможного, сержант, — возразил Сатриа. — При таких темпах, какие предлагаете вы, они будут ненавидеть нас сильнее, чем тиранидов.

— Хорошо. Сначала мы должны разрушить все их прежние представления о войне. Мы должны заставить их забыть, кем они были и кем себя считали, и сделать из них настоящих солдат. Только это поможет им уцелеть. Мне всё равно, будут ли они меня ненавидеть, лишь бы они учились. И учились быстро.

— Это будет не просто, — покачал головой Сатриа.

— Всё это не имеет смысла, — заметил полковник Стаглер. — Слабейшие солдаты все равно погибнут первыми. А когда армия таким образом избавится от балласта, останутся истинные воины.

— Балласт?! — возмутился Сатриа. — Это мои солдаты, и я не позволю говорить о них в таком тоне.

— Ваши солдаты оставляют желать лучшего, майор Сатриа, — настаивал Стаглер.

Черты его патрицианского лица заострились от холода, а суровый взгляд неодобрительно скользил по тренировочному полю. Леаркус был согласен с полковником и понимал, что, несмотря на все старания, результат был далёк от его ожиданий.

Взгляд сержанта остановился на группе солдат, отрабатывающих технику штыкового боя.

Движения людей сковывала тяжёлая зимняя одежда. Первоначально они тренировались без доспехов и зимних комбинезонов, но Леаркус исправил это упущение. Какую пользу могли принести занятия в идеальных условиях, если реальные сражения проходят совсем при других обстоятельствах?

Леаркус твёрдо верил в философию академии Аджизелуса: тяжело учиться — легко сражаться. На каждой тренировке он ставил перед своими учениками непреодолимые задачи, чтобы в бою любая ситуация не стала для них неожиданностью.

Но даже после недели учений Леаркус видел, что солдаты двигаются слишком медленно. Тираниды обладали нечеловеческой проворностью, их острые когти с быстротой молнии могли поразить человека в самое сердце, и сержант понимал, что в первом же сражении смерть пожнёт большой урожай его солдат.

Не говоря ни слова, Леаркус резко повернулся и стал спускаться по скользким от грязи ступеням бастиона на тренировочную площадку. Сатриа и Стаглер догнали его только на влажных камнях эспланады. Сержант вышел в самый центр поля и остановился, упёршись руками в бока. Солдаты поспешили собраться вокруг Космодесантника.

— Вы отклонились от пути, завещанного вам великим примархом, — заговорил Леаркус. — Комфорт и роскошь сделали вас слабыми, долгие годы бездействия и мира выветрили из ваших сердец боевой дух. Я пришёл сказать вам, что наступило время понять: комфорт — всего лишь иллюзия, химера, навеянная привычками и мирным образом жизни. — Каждое слово Леаркус подтверждал ударом кулака в силовой перчатке по широкой ладони.

— Комфорт сужает ваши мысли, лишает силы плоть, убивает боевой дух и забирает решимость. — Сержант прошёлся по кругу, заглядывая в лица солдат. — Отныне с этим будет покончено. Любое стремление к комфорту, а тем более лень, будет жестоко наказываться. Будьте к этому готовы!

Кожа на ноге солдата имела восковой, желтовато-серый цвет, на ступне вздулось несколько волдырей. Один из них уже лопнул, прозрачная жидкость вытекла на жёсткую белую простыню. Джониэль Ледойен покачала головой, удивляясь глупости солдата, и вонзила иголку в мягкие ткани холодной ступни. Человек не реагировал на боль. Было ли это следствием обморожения или воздействием полбутылки амасека, выпитой им совсем недавно, сестра не могла определить.

Скорее всего, в равной степени верным было и то и другое, решила сестра. Вытащив иглу, она бросила её в металлический лоток и сделала запись на карточке больного, прикрепленной к спинке кровати.

— Очень плохо? — пробормотал солдат.

— Хорошего мало, — спокойно ответила Джониэль. — Но, если тебе повезёт, мы сумеем спасти ногу. Разве ты не получил инструкцию, как уберечься от обморожения?

— Получил, но я даже не прочитал её, сестра. В корпусе Крейга нам никогда не приходилось читать.

— Как это?

— Да так. Мы попадали в корпус совсем детьми, а полковник Стаглер недолюбливает образованных людей. По его словам, именно образованные солдаты в первую очередь повинны в том, что Крейг погиб под обстрелом. Полковник говорит, что мы должны уметь сражаться и умирать. Это всё, что требуется солдатам Крейга.

— Ну, будем надеяться, что ты скоро снова отправишься сражаться, но избежишь смерти, — сказала сестра.

— Как пожелает Император, — пожал плечами солдат.

— Да, — печально кивнула Джониэль, уже отходя от кровати. — Как пожелает Император.

За сегодняшний день она приняла нескольких больных с лёгкими случаями переохлаждения и десятков солдат с разными степенями обморожения — от простых белых пятен на отдельных участках кожи до таких несчастных, как этот, последний солдат. Несмотря на все её оптимистические прогнозы, он, скорее всего, лишится ноги.

Стянув резиновые перчатки и выбросив их в корзину, Джониэль медленно, слегка прихрамывая на правую ногу, побрела мимо рядов коек к сестринскому посту. На ходу она прижимала ладонь к бедру, не забывая следить за санитарями из корпуса Логреса, сновавшими по длинному высокому залу со сводчатыми потолками. Для постепенного согревания обмороженного участка тела они использовали термические повязки, которые обеспечивали контролируемое поступление тепла к повреждённым местам. К счастью, госпиталь в Пятом Квартале, рассчитанный на тысячу больных, был почти пуст. Но Джониэль прекрасно понимала, что тонкий ручеёк поступавших на её попечение солдат превратится в бурный поток, как только начнётся война. Ремиан IV многому научил её.

Сестра потёрла виски, устало зевнула и стащила резинку, стягивавшую её длинные светлые волосы в тугий хвост. Высокая и статная, Джониэль была привлекательной женщиной сорока человеческих лет, с дымчато-голубыми глазами и полным лицом, на котором отражались терпимость и сострадание. Её фигуру скрывало белое, свободного покроя платье, перетянутое красным поясом, украшенным крестом Негасимой Свечи — символом одного из женских монастырей Ордена Госпитальеров.

В отличие от армейских сестёр воинских Орденов, сестры Ордена Госпитальеров оказывали помощь не только раненым в боях солдатам Имперской Гвардии, но и всем несчастным в разных уголках Империи. Многие были обязаны своей жизнью сёстрам Ордена Госпитальеров. И для многих было большим утешением сознавать, что помощь сестёр не заставит себя ждать в случае ранения или болезни.

Младшая сестра Арделия Ферри подняла голову и улыбнулась подошедшей Джониэль. Молодая и хорошенькая Арделия совсем недавно закончила обучение и только что принесла обет на Офелии VII. Она нравилась Джониэль и, несмотря на недостаток военного опыта, обещала стать отличной помощницей.

— На сегодняшний вечер это все? — спросила Арделия.

— Да, благодарение Императору. Большинство сегодняшних больных через день-другой снова встанут в строй.

— Им повезло, что вы за ними ухаживаете, сестра Ледойен.

— Мы все исполняем свой долг, сестра Ферри, — скромно ответила Джониэль. — Доставлены ли медикаменты из верхнего склада?

— Нет, ещё не доставлены. Хотя городской комиссариат обещал обеспечить нас в первую очередь, — ответила Арделия с изрядной долей скептицизма в голосе.

Джониэль кивнула. Она полностью разделяла недоверие Арделии и привыкла к проволочкам комиссариата, но также была уверена в том, что медикаменты потребуются в самые ближайшие дни. Утром придётся связаться с комиссариатом и потребовать объяснений.

— Я могу подежурить остаток ночи, — предложила Арделия. — Вам надо хорошенько отдохнуть, сестра Ледойен. Вы выглядите уставшей.

Джониэль и хотела бы пропустить мимо ушей замечание Арделии, но не смогла. Груз ответственности и множество печальных воспоминаний заметно старили её. Она по-прежнему с лёгкостью выполняла нормы физической подготовки сестёр милосердия и могла за сорок секунд разобрать и собрать лазерный пистолет, но признавала, что путешествия с одной войны на другую невыгодно отразились на её лице. Война на Ремиане IV оставила в её сердце самые тяжёлые воспоминания: люди кричали от непереносимой боли и просили о скорой смерти, как о милости. Запах крови, разлагающихся внутренностей, антисептиков и резкое зловоние войны ещё долго преследовали её даже после победы.

Джониэль вспомнила о долгих месяцах реабилитации, когда она без усталости старалась своими беседами отвлечь солдат от печального опыта войны на Ремиане IV и вернуть их к нормальной жизни. За эти успокоительные беседы и мягкое обхождение солдаты стали называть её Ангелом Ремиана, и с тех пор это прозвище сопровождало Джониэль повсюду, где бы она ни находилась. Она спасла сотни, а может, и тысячи жизней, но потом рядом с ней не оказалось никого, кто мог бы успокоить бурю в её собственной душе.

Часто во сне она снова оказывалась там, плача, зажимала разорванную артерию, боролась за жизнь лишившегося лица солдата, в то время как он пытался схватить её руки своими перебитыми пальцами. Оторванные части человеческих тел, удушливое зловоние горящей

плоти снова преследовали её, и Джониэль в ужасе просыпалась от собственного крика.

Она подумала о возвращении в свою одинокую келью над огромной палатой, но перспектива остаться одной в четырёх стенах сейчас казалась ей непереносимой.

— Перед уходом я зайду вознести молитву Императору. Позови, если что-нибудь понадобится, — сказала Джониэль.

Сестра милосердия поклонилась на прощание Арделии и направилась к массивной деревянной двери палаты, выходящей в отделанный камнем вестибюль. Усталой походкой Джониэль пересекла приёмный покой и оказалась в коротком, освещённом свечами коридорчике. Резная фигура человека в накидке с капюшоном и золотыми крыльями украшала дверь, и, отворив её, Джониэль оказалась в госпитальной часовне. Помещение было небольшим и очень скромно отделанным. Оно могло вместить не более двух десятков прихожан. Три ряда жёстких деревянных скамей правильными линиями расходились от алебастровой статуи в алтарной части часовни, а множество свечей в нишах наполняло воздух тёплым сиянием. Семиугольное окно с красочным витражом отбрасывало на статую разноцветные блики.

Джониэль поклонилась, прошла к двум боковым каменным скамьям и опустилась на колени. Склонив голову, она сложила ладони и стала читать молитву. Сестра тихо шептала слова смирения и послушания, не обращая внимания на боль, усилившуюся от соприкосновения коленей с холодными плитами пола. Постепенно глаза её наполнились слезами. Звуки и образы Ремиана IV предстали перед её мысленным взором так ясно, что во рту появился привкус крови, а ноздри уловили запах дыма.

Джониэль закончила молитву и с трудом поднялась на ноги. Боль металлической иглой резко пронзила повреждённое бедро. В полевой госпиталь на Ремиане IV угодила вражеский снаряд, и только её одну вытащили из-под развалин живой, но кости бедра оказались раздроблены на мелкие осколки. Солдаты, многим из которых она спасла жизнь, подняли на ноги лучших хирургов, и операция прошла прямо под обстрелом, при свете разрывов артиллерийских снарядов. Джониэль осталась жива, но тысячи её пациентов, находившихся тогда в госпитале, погибли. С тех пор чувство вины раковой опухолью разъедало её душу.

Джониэль помассировала ногу, снова поклонилась статуе Императора и побрела в свою одинокую келью.

— Как пожелает Император, — прошептала она.

Вулканический мир Йулана казался из космоса очень красивым. Мерцающую атмосферу пронзали зигзаги пурпурных молний, клубы рубиновых облаков пропускали причудливые потоки света самых разных оттенков. Целая группа космических кораблей непрерывно двигалась на орбите, стараясь избежать сейсмических разрядов и выбросов горящих газов, то и дело вырывающихся из покрытой трещинами поверхности планеты.

Капитаны прилагали максимум усилий, чтобы удерживать корабли на нужном курсе. Все

защитные экраны работали на полную мощность. Это помогало нейтрализовать вредное воздействие выбросов планеты. Несмотря на то что каждый из кораблей был не меньше километра длиной, все они казались ничтожно малыми по сравнению с тремя громадами, стоявшими на геостационарной орбите Йулана. Сотни пилотируемых кораблей и множество буксиров из доков соседнего Корделиса боролись с турбулентными завихрениями и маневрировали таким образом, чтобы подойти к мощным креплениям в носовой части этих исполинов.

Каждое из этих огромных судов представляло собой станцию по переработке водородной плазмы, добываемой из нестабильной атмосферы Йулана. На этом ценном горючем работали все корабли Имперского Флота, торговые и грузовые суда, и почти все остальные механизмы, изготовленные техножрецами. Станции были почти полностью автоматизированы, поскольку производство такого легковоспламеняющегося топлива было очень опасным, если не сказать больше.

Люди потратили несколько часов, потеряли десяток беспилотных вспомогательных судов, и наконец, ценой напряжённых усилий, первый из перерабатывающих заводов был выведен с орбиты и медленно исчез в темноте космоса.

Несмотря на опасность работы в таких неблагоприятных условиях, ещё через несколько часов удалось пришвартоваться ко второму перерабатывающему комплексу, и он отправился к Корделису вслед за первым. Эксперт, наблюдающий за миссией на Йулане, порадовался такой расторопности. Но расслабляться было рано. Им предстоял ещё третий этап операции.

Рой-флотилия тиранидов уже достигла Пароса и теперь направилась дальше.

Время подгоняло людей, и следующие шесть томительных часов прошли в попытках швартовочных команд зацепить крепления третьей станции переработки плазмы. Капитаны снова и снова подводили корабли к огромному заводу, но точно попасть в назначенное место мешали постоянные выбросы из атмосферы Йулана. Люди были раздражены и измотаны, все нервничали из-за задержки и постоянной опасности.

Но спешка и многотонное судно, доверху наполненное высокоактивным топливом, — две вещи несовместимые.

Капитан буксировочного корабля с Корделиса под названием «Труди» осторожно повёл своё судно к швартовочной балке последнего из перерабатывающих заводов. Он тщательно соблюдал все правила безопасности, предписываемые в подобных случаях. «Труди» почти вплотную подошёл к креплениям носовой части, и капитан был настолько поглощён процессом швартовки, что не заметил «Циллы», появившейся из-за всасывающей трубы завода.

Оба капитана в последний момент заметили опасность и попытались избежать столкновения. «Труди» вильнул вправо и врезался в заборную трубу, да так сильно повредил корпус, что горячий металл пробил топливный отсек. Произошёл взрыв. Более неудачного места для аварии нельзя было вообразить. Труба, предназначенная для всасывания газов из атмосферы

Йулана, вобрала горящее облако взрыва и послала его в самое сердце перерабатывающего завода, к компрессорной установке. Находившийся там газ мгновенно воспламенился, что привело к неуправляемой цепной реакции.

Предусмотренные для таких случаев противозрывные двери не закрывались уже тысячи лет, с тех пор как был построен этот завод, и сигнальные цепи не замкнули контакты, поскольку давно вышли из строя из-за долгого бездействия. Поочерёдно начали взрываться внутренние камеры, и каждый взрыв разрушал несколько соседних узлов, многократно увеличивая размеры катастрофы.

Глядя с орбиты, можно было подумать, что гигантский завод сотрясается в конвульсиях. И прежде, чем кто-то мог заподозрить неладное и предупредить корабли, все ещё находящиеся рядом, гигантская станция переработки плазмы превратилась в огненный шар, яркость которого затмила солнце этого мира.

В радиусе тысячи километров от эпицентра взрыва все обратилось в пепел, а поверхность планеты содрогнулась от перепада давления и выбросила в атмосферу множество гейзеров горящих газов. Пламя взрыва угасло, не оставив и следа ни от завода, ни от космических кораблей с сотнями людей на борту. Лишь облака газов от сгоревшей плазмы клубились на месте катастрофы.

Не подозревая о случившемся, две группы кораблей продолжали буксировать к Корделису оба гигантских завода, снятых с орбиты Йулана.

Зачем адмирал поручил Космодесантникам такое опасное задание, никто не знал, но им и не положено было задавать вопросы, их долг — исполнять приказ.

В сумраке транспортного ангара угадывались силуэты шести грузовиков. Холодный лунный свет проникал сквозь небольшие, высоко расположенные оконца. Десять солдат, недовольно ворча, загружали в машины многочисленные ящики. За их работой наблюдал сержант из отдела снабжения городского комиссариата. Несмотря на лютый мороз, он покрылся потом под своей меховой курткой.

Последний ящик исчез в кузове грузовика, и сержант, притопывая на месте, закурил тоненькую сигарету. На каждом ящике стояло клеймо с регистрационным номером департамента перевозок и названием полка вместо адреса получателя. Захлопнув борта машин, солдаты потянулись к выходу. Сержант совал в руку каждого пачку векселей военного времени и приговаривал:

— Не вздумайте болтать об этом.

Последний солдат покинул ангар, а сержант, погасив окуроч, обошёл все грузовики и лично проверил, чтобы все они были заперты. Едва он успел осмотреть последнюю машину, как из тени в противоположном конце ангара появилась группа людей.

— Ты всё сделал? — спросил человек, стоявший впереди остальных.

Сержант-снабженец подпрыгнул от неожиданности и потянулся за пистолетом.

— Я бы на твоём месте этого не делал, — угрожающе заметил высокий мужчина, встав рядом с первым, и сержант поднял вверх руки.

— Снежок, — облегчённо выдохнул он, как только люди вышли на свет.

Сержант опустил руки и тут же прикурил следующую сигарету.

— А ты ждал кого-то другого, Тадека? — спросил Снежок, покачивая винтовку на плече.

С наступлением холодов предводитель Ночных Негодяев облачился в толстую шерстяную куртку, но выбеленная шевелюра оставалась непокрытой. Рядом с ним стояла девушка. Её серебристые волосы блестели в лунных лучах. Немного позади этой парочки держался явно неуравновешенный громила, которого Снежок называл Джонни Стомп, а за ним маячили фигуры троих болезненно худых парней с яркой, но небрежно выполненной татуировкой на лицах. По знаку главаря эти трое быстро забрались в кабины грузовиков, а рыжеволосая девица в облегающем комбинезоне скользнула в четвёртый.

— Нет, — ответил сержант Тадека. — Ты просто удивил меня. Я не ждал, что ты придёшь так скоро.

— Что ж тут такого? Мне нравится удивлять людей, — сказал Снежок и кивнул Джонни Стомпу: — Проверь-ка, все ли в порядке.

Пока громила считал ящики в грузовиках, Тадека переминался с ноги на ногу и молча удивлялся умению Джонни считать без помощи пальцев. Всё это время Снежок и Сильвер внимательно смотрели на сержанта.

— Ну что, все на месте? — спросил главарь Ночных Негодяев.

— Ага, все здесь. Медицинские препараты и походные пайки, как ты и хотел. Разве я не говорил, что все смогу достать?

— Да уж, ты ради нас постарался. — Снежок обнял Тадека за плечи и вытащил из его нагрудного кармана пачку сигарет.

Он немного подождал, многозначительно приподняв бровь, пока сержант не понял намёка и не прикурил для Снежка сигарету. Зажигалка прыгала в заметно дрожащих пальцах.

— Тадека, ты в порядке? — с притворным сочувствием спросил Снежок. — Похоже, ты очень нервничаешь, парень. Что-то задумал?

— Это должно стоить больше, — буркнул сержант. — Мне пришлось заплатить солдатам двойную цену за молчание. Офицеры из комиссариата не церемонятся с теми, кого ловят на воровстве. Если меня арестуют, я получу пулю в голову.

— Тадека, Тадека, — успокаивающим тоном проговорил Снежок. — Не надо рассматривать это как воровство. Считай, что это просто перераспределение, помощь тем, кто действительно нуждается. Смотри, эти медикаменты и припасы предназначены для солдат, собравшихся со всех концов света. А я лично прослежу, чтобы товар попал жителям Эребуса... по сходной цене.

Тадека рассмеялся неприятным резким смехом.

— По сходной цене! Да в лучшем случае ты будешь продавать все это вчетверо дороже!

— Эй, парень, у нас свободный рынок. Если я смогу заработать немного денег на этой войне, кто посмеет сказать, что это плохо?

— Не забывай, ты тоже по уши завяз в этом деле, — заметила Сильвер, потрянув длинными белыми волосами.

— Знаю, знаю, — огорчённо вздохнул Тадека. Джонни Стомп спрыгнул из кузова последнего грузовика.

— Насколько я могу судить, все на месте, — сказал он.

— Проклятие, что это значит? — рассердился Снежок. — Или товар на месте, или нет.

— А то и значит: по-моему, все на месте, — раздражённо проворчал Джонни.

— Ладно, пусть будет так, — пожал плечами Снежок. Стомп и Сильвер полезли в кабину. Снежок занял место за рулём последнего грузовика, опустил стекло и оглянулся на сержанта. Тем временем заревели моторы. Главарь Ночных Негодяев вытащил пачку денег. Это была почти вся выручка из Флеш-бара, за вычетом суммы, уплаченной ещё одному продажному сержанту за партию оружия. Снежок бросил деньги к ногам Тадека, и тот схватил их, алчно усмехаясь.

— Немного погодя я смогу достать для вас ещё одну партию товаров, — крикнул он, поскольку жадность в его душе всегда побеждала природную трусость. — Надо только подождать, пока утихнет шумиха.

Вспыхнули круглые фары, и первый грузовик исчез в темноте.

— Мне это нравится, — ответил Снежок.

— В конце концов, — добавил Тадека, — бизнес есть бизнес.

— Ага, — согласился Снежок. — Всегда бизнес.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/672601>